

**Научный и политический аспекты реформы белорусского языка 1933 года //
Славяноведение. 2007. № 3. С. 73–88.**

0. Ориентированная на реформирование, практическая разработка орфографии в лингвистических исследованиях занимает довольно двусмысленное положение. С одной стороны, орфография – эта та область в языке, которая более всего доступна рационализации [1. С. 266], подготовкой и усовершенствованием правописания обычно занимаются лингвисты и научные учреждения, залогом успешности реформаторской деятельности в языке нередко считается научная квалификация. История разработки орфографии является одной из излюбленных тем таких научных дисциплин как история литературного языка и история языкоznания. Все это способствует формированию убеждения о том, что выработка каких-либо орфографических установлений есть некий вид научной деятельности.

С другой стороны, истинные мотивы графико-орфографических реформ “лежат не в сфере рационализации письма, но в области социальной семиотики” [1. С. 266]. Замечено, например, что в России с начала XVIII в. развитие русского письма происходило не стихийным образом, но “в порядке государственных реформ” [2. С. 160]. В общем, не является необычной ситуация, когда о реформе правописания говорится в контексте политической борьбы с употреблением терминологии типа “силы прогресса”, “силы реакции” и под. (ср., например: [2. С. 166]). Та или иная орфографическая практика, таким образом, является в какой-то мере не только (или не только) продуктом усилий ученых, она есть плод обычая, результат некоего общественного договора, неких складывающихся на момент реформирования сдержек и противовесов. Соответственно орфографическая практика не в слишком большой степени зависит от объективно извлекаемых учеными “законов” языка. Понимание этого обстоятельства, в частности, обусловило в 1901 г. своеобразный “капитулянтский” ответ Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук министру внутренних дел Д.С. Сипягину относительно необходимости занять Академией наук определенную позицию в вопросе о предлагаемых министром мерах по стабилизации русского правописания: “целесообразность предлагаемых нововведений может быть обнаружена только на опыте (выделено мной. – С.3.)… выяснение достоинств и недостатков той или другой системы (орфографической. – С.3.) возможно только по соображениям практическим (выделено мной. – С.3.)… вопрос о желательности или нежелательности сохранения в неизменном виде нашего исторического правописания не подлежит обсуждению ученого учреждения, каковым является Академия…” [3, 560–561]. В качестве не совсем научной (хотя и “тесно связанный” с наукой) квалифицировал в ноябре 1926 г. практическую работу в области реформирования белорусского правописания прибывший в Минск на Академическую конференцию по реформе белорусского правописания и азбуки со специальным докладом профессор Московского университета П.А. Растиоргев [4, 27–28]. Собственно научный компонент в практической деятельности по усовершенствованию орфографии имеет скорее второстепенное, подчиненное значение, он может “отменяться” какими-то случайными факторами или событиями, зато на первый план могут выходить культурно-политические ориентации разработчиков правописания.

Реформа белорусского языка 1933 г. (представляемая зачастую как реформа его орфографии) неоднократно привлекала внимание отечественных и зарубежных ученых (ср., например: [5–16]), однако до сих пор не получила достаточно детальной и сбалансированной трактовки.

1. В нескольких наших недавних работах описан характер протекания дискуссий о белорусской орфографии 1920-х годов, а также рассмотрен один из самых спорных

вопросов орфографической практики 1920-х – начала 1930-х гг. – правописание заимствованных слов с неударным *о* [17–20]. В других наших работах [21; 22] охарактеризован идеологический контекст языкового реформирования 1930–1933 гг. В частности, рассмотрена резолюция бюро ЦК КП(б)Б 1930 г. “О результатах дискуссии о языкоznании”, предопределившая характер языковых обсуждений на последующие годы. Проанализирована радикальная активизация идеологической работы партийных органов, а также идеологическая атмосфера, в которой работали белорусские лингвисты того времени. Представлена точка зрения, в соответствии с которой власти рассматривали орфографическую реформу белорусского языка в качестве составной части тогдашней идеологической и политической реформы. Обсуждены обстоятельства подготовки в Институте языкоznания Белорусской Академии наук разных проектов правописания, работа специальной орфографической комиссии бюро ЦК КПБ и др.

2. Реформирование белорусского языка 1933 г. воплотилось в принятии 26 августа декрета СНК БССР “Об изменениях и упрощении белорусского правописания” (опубликован 28 августа в газете “Звязда” и впоследствии издан массовым тиражом; ср. [23]). Структурно постановление состояло из преамбулы, пяти частей (“Правописание гласных”, “Правописание согласных”, “Правописание слов иностранного происхождения”, “Правописание собственных имен, фамилий и географических названий”, “Морфология”) и заключения (формально, впрочем, не отделенного от раздела “Морфология”).

2.1. В преамбуле к декрету говорилось о больших успехах, достигнутых белорусским языком, культурным и хозяйственным строительством после свершения октябрьской революции. Однако эти успехи были достигнуты в борьбе – с “великодержавным шовинизмом” и “контрреволюционным белорусским национал-демократизмом”. Три последних абзаца преамбулы квалифицировали именно вопросы борьбы с “национал-демократизмом”:

“Исходя из своих буржуазных, контрреволюционных целей белорусский национал-демократизм проводил подрывную, вредительскую работу как на хозяйственном, так и на культурном фронте, в том числе и в области языка, терминологии и правописания. Национал-демократизм стремился всеми средствами и способами оторвать белорусский литературный язык от языка широких белорусских трудящихся масс, создавал искусственный барьер между белорусским и русским языками и засорял белорусский язык различными средневековыми архаизмами и буржуазными вульгаризмами.

Существующее белорусское правописание существенно засорено указанными национал-демократическими течениями и поэтому подлежит изменениям”.

Совет Народных комиссаров БССР постановил внести в существовавшее правописание целый ряд изменений

“в целях решительного изгнания из белорусского правописания национал-демократических влияний и искажений, облегчения широким трудящимся массам изучения белорусской грамоты, освобождения школы от непродуктивной работы при изучении белорусского правописания, в целях развития белорусской культуры и полного подчинения белорусского правописания задачам воспитания трудящихся масс в духе пролетарского интернационализма”.

2.2. Смысл внесенных декретом конкретных языковых изменений (пп. 1–23 декрета) хорошо описан в ряде работ (ср., например: [9], [10], [14], [16]), что избавляет нас от необходимости останавливаться здесь на них подробно. В заключительной части постановления наркомату просвещения БССР и президиуму Белорусской академии наук поручалось срочно упорядочить правила правописания на основания данного документа (пункт 24). Переход на новую орфографию должен был произойти 15 сентября 1933 г. (пункт 25). Наркомпросу поручалось обеспечить перевод работы школ и культурно-просветительных учреждений на новую орфографию (пункт 26). Наркомпросу и президиуму Белорусской академии наук поручалось организовать “систематическую научную работу по дальнейшему развитию и упорядочению белорусского правописания, всей грамматики и терминологии, также организовать новое издание белорусско-русских

словарей, вытравляя из белорусского языка всякие буржуазно-националистические течения и искажения” (пункт 27).

3. Декрет СНК о правописании явился одним из мероприятий в идеолого-политической борьбе 1933 г. О таком его характере свидетельствует, в частности, непосредственная предыстория языковой реформы. Постановка властями вопроса орфографического реформирования белорусского языка в один ряд с выполнением тогдашних идеолого-политических задач, своеобразной социальной реформы практически не оставляла выбора для белорусских лингвистов с точки зрения возможности реализации языкового реформирования на строго “академической” основе, подробно см.: [21; 22]. Упоминания в тексте декрета о “вредительской” работе в хозяйственном и культурном строительстве, о необходимости вытравлять из белорусского языка буржуазно-националистические искажения, а также о подчинении правописания задачам воспитания трудящихся масс в духе пролетарского интернационализма являются отнюдь не случайными.

3.1. Однако пункты, которые символизировали разрыв с предшествовавшими установками и практикой, содержались не только в “общих” пунктах преамбулы и заключения постановления СНК. Они присутствовали и в “самой плоти” реформы, ибо нормализаторы должны были реагировать на политические вызовы своего времени. Так, на расхождение (иногда явное и категорическое) с предшествовавшими подходами, отразившимися как в предписаниях лингвистов, так и (полностью или частично) в языковой практике и огульно охарактеризованными в декрете как “национал-демократические”, недвусмысленно указывали следующие, “собственно языковые” пункты декрета.

– 6-е правило о регулировании написания суффиксального *с* в сочетаниях с корневым *д* (*гарадскі*, *грамадскі* вместо *гарадзкі*, *грамадзкі*). Данная орфограмма привлекала мало внимания белорусских кодификаторов в 1920-е годы, она не обсуждалась на Академической конференции. В методических публикациях 1927–1928 гг. она упоминалась лишь однажды: З.Сцяпурা привел в качестве одной из частых ошибок написание *гарацкія* вместо *гарадзкія* [24. С. 56]. В проекте 1930 г. была сохранена орфограмма *дз*, хотя в замечаниях к проекту Я.Лёсик и Якуб Колас, а также В.Ластовский высказывались за написание *dc*, в то время как В.Чаржинский отдавал предпочтение орфограмме *ц* (*гарацкі*, *люцкі*) [25. С. 53, 56, 57]. На официальном уровне (то есть в качестве солидарного мнения ученого заведения) предложение о реформировании данной орфограммы появилось лишь в конце июня 1933 г. в публикации “Главные моменты упрощения белорусского правописания” [26].

– 7-е правило о написании суффиксального *с* в сочетаниях с корневыми *г*, *ж*, *з*, *х*, *ш* в географических названиях (*Волжскі*, *Каўказскі*, *чэйскі* вместо *Волскі*, *Каўкаскі*, *чэскі*). Данная орфограмма не обсуждалась на Академической конференции и не упоминалась в методических публикациях журнала “Асвета”. Мнение о необходимости применять в данном случае морфологический принцип было, однако, отражено в частных замечаниях к проекту 1930 г. членов Орфографической комиссии Инбелкульты 1927–1929 гг. Я. Лёсика, Якуба Коласа и В. Ластовского [25. С. 53, 56]. Тем не менее еще в основном тексте проекта 1933 г. сохранялись традиционные написания типа *волскі*, *чэскі*, *кіргіскі* [27. С. 20].

– 10-е правило о смягчении согласных перед *е* в иностранных словах (*методыка*, *педагог*, *эстафета* вместо *мэтодыка*, *пэдагог*, *эстафэта*). Предложения (иногда с оговорками и преимущественно не настойчиво) смягчать согласные в заимствованиях перед *е* в 1920-е годы выдвигались, кажется, трижды (ср.: [28. С. 2; 29; 30. С. 127]. Тем не менее данная орфограмма не обсуждалась на Академической конференции и лишь однажды была упомянута в методических публикациях 1927–1928 гг. Никто из членов Орфографической комиссии Инбелкульты 1927–1929 гг. не предлагал подобного

нововведения и даже в “Проекте упрощения белорусского правописания” середины 1933 г. данное правило еще сохраняло прежний вид [27. С. 21].

– 11-е правило о преимущественно твердой передаче *л* в иностранных словах (*бланк, план, пракламацыя* вместо *блянк, плян, праклямацыя*) и, наоборот, мягкой передаче *с и з* (*сістэма, фізіка* вместо *сыстэма, фізыка*). И эти орфограммы в 1920-е годы привлекали мало внимания белорусских кодификаторов, они не дискутировались на Академической конференции и не упоминались в методических публикациях в качестве “слабых” пунктов белорусской орфографии. Вплоть до конца лета 1933 г. предложение передавать заимствования с использованием твердого *л* основными участниками орфографического регулирования белорусского языка не выдвигалось. Еще в “Главных моментах упрощения белорусского правописания” (июнь 1933 г.) написание типа *лампа* характеризовалось как “великодержавническое”, традиционное мягкое написание сохранялось и в изданном примерно тогда же “Проекте упрощения белорусского правописания” [26; 27. С. 21, 23]. Подобным образом закрепленное в 11-м правиле написание твердых *с и з* в заимствованиях в качестве альтернативы традиционному написанию появилось довольно поздно (впервые в “Главных моментах упрощения белорусского правописания”).

– 12-е правило о передаче иностранного *th* через *t* (*арыфметыка, аргаграфія* вместо *арытмэтыка, артаграфія*).

– 14-е правило о передаче финалей *tr, dr* (*метр, літр* вместо употребительных прежде *мэтар, літар*).

– 15-е правило о форме существительных *пролетарый, барый, алюміній*. В тексте постановления СНК упоминалась упраздненная практика прежних лет (написания с финалями *-ы, -и* либо написания с финалями без формантов *-ый* или *-ий*). (В соответствии с “Проектом упрощения белорусского правописания” середины 1933 г. формы типа *пралетар* еще допускались как вариантовые.)

– 16-е правило о склонении слов типа *камуніст, сацыяліст*. Формы существительных с адъективной парадигмой склонения типа *камуністы, камуністага, камуністаму* были единой и очень стойкой нормой белорусской печати с 1924 по середину 1930 г. включительно. Иногда раздавались голоса об упразднении адъективной парадигмы в пользу склонения по типу существительных [31. С. 161; 25. С. 51], однако такие предложения, кажется, не вызывали особого энтузиазма в языковедческой среде¹.

– 17-е правило, включавшее (применительно к *е*) неподчинение написания русских антронимов и топонимов правилу аканья (*Чэрнышэўскі*) и недействие цеканья в позиции начала слова (*Терахаў*). В проекте 1930 г. русские фамилии типа *Челкашов, Тихонов* предлагалось писать как *Чалкашоў, Ціханаў* [25. С. 38].

– 18-е правило, которое радикально (причем до непонятных пределов) расширяло употребление в родительном падеже единственного числа существительных мужского рода форм с окончаниями *-а, -я*; такие формы должны были употребляться “преимущественно”: “*завода, цэха, трактара, інстытута, сацыялізма, універсітэта, правасіса, но: жалю, болю, гаю, лесу, краю, цэменту*”. Во всех подготовленных в 1920-е гг. грамматических пособиях употребление окончаний *-а, -я* ограничивалось – например, существительными, обозначающими “живые” или “образные” предметы, а также названия месяцев [33. С. 60], или существительными, обозначающими “живые” предметы, “неживые” (но нераздельные) предметы, а также названиями частей тела, месяцев, мер, денег [25. С. 26].

– 19-е правило об отмене форм на *-ом, -ах* существительных множественного числа (*кіраўнікам, аб кіраўніках* вместо *кіраўніком, аб кіраўнікох*). Данные формы без каких-либо осложнений функционировали в белорусском языке вплоть до реформы 1933 г. В 1926 г. П.Бузук писал о них как о “явлениях, которые сделались сейчас характерными

¹ Об истории употребления в белорусском языке существительных на *-исты, -ысты* подробнее см.: [32].

чертами белорусского литературного языка” [34. С. 135]. Ударные окончания *-ам*, *-ах* впервые были предложены в качестве вариантных в июне 1933 г. в “Главных моментах упрощения белорусского правописания”.

– 20-е правило об унификации косвенных падежей числительных *два*, *дзве*, *абодва*, *абедзве*. Подобная практика никогда не предлагалась никем из белорусских языковедов.

– 21-е правило о неприемлемости форм глаголов первого спряжения настоящего времени второго лица множественного числа типа *ідзяцé*, *ведзяцé*. Предложение о реформировании этого правила возникло на самой последней стадии. Еще в проекте 1933 г. формы типа *ідзяцé*, *ведзяцé* были нормативными, при этом также допускались параллельные формы формы типа *ідзяцё*, *ведзяцё* (также с ударением на последнем слоге) [27. С. 41].

– 22-е правило об окончаниях глаголов повелительного наклонения (*бярыще*, *нясіце* вместо *бярэце*, *нясеце*). В 1930-м году формы типа *бярэце*, *нясеце* были бесспорными, а в проекте 1933 г. допускались в качестве вариантных.

– 23-е правило о введении в белорусское правописание (sic!) причастий активного залога – “особенно, если они обозначают социальный смысл, например: *пануючи клас*, а не *пануюча кляса*, или *кляса, якая пануе*”. С небольшими исключениями (ср. [35. С. 113; 36. С. 66; 37. С. 158]) в среде белорусских лингвистов (причем не только начала XX века, но и XIX века) преобладало мнение об ограниченном употреблении таких причастий в белорусском языке (ср. [38. С. 184; 39. С. 67; 40. С. 143–144; 41. С. 48; 42. С. 120–122; 43. С. 76]). На официальном уровне предложение было впервые выдвинуто в “Главных моментах упрощения белорусского правописания” в июне 1933 г.

Кроме того на разрыв с практикой 1920-х гг. указывали также пункты 1–2, 4–5 и 9 постановления.

“Общественный договор” относительно орфографии, который существовал в 1920-е гг. между различными силами и который специально оговаривался в процессе реформирования², принятием декрета СНК был нарушен: постановление правительства было принято “в назидание нацдемам” (то есть лингвистам 1920-х гг.) в нарушение установившейся практики.

3.2. Некоторые пункты декрета указывали на классовый характер языка:

– 9-е правило об аканье в заимствованных словах: “Интернациональные революционные слова не подчинять общему правилу об аканье”. Как заметил немецкий славист Р.Марти, подобное выделение напоминает старые еврейские и христианские традиции, в рамках которых т. наз. *nomina sacra* писались специальным образом: без вокализации в еврейских и под титлом в христианских рукописях. Ср.: [46]. Кроме того установлению такого правописания способствовало то обстоятельство, что в 1920-е гг. орфография заимствований с отражением неударного *о* была, в общем, обычной (см.: [20]). Классовый аспект языка при формулировании этого правила оказался настолько существенным, что частное примечание-исключение об интернациональных революционных словах (тогдаших своеобразных *nomina sacra*) было вынесено на первое место, в то время как само общее правило было приведено после этого примечания.

– 16-е правило о склонении слов *камуніст*, *сацыяліст*, *марксіст* (ср. подбор иллюстраций – вопреки тому, что лексема *сацыяліст* в то время уже становилась историзмом).

– 23-е правило о введении в белорусский язык причастий активного залога, в котором вводилось различие причастий, обозначающих “социальный смысл”.

3.3. Особенностью белорусской языковой реформы 1933 г. явилась направленная против белорусских лингвистов риторика, которая неизменно сопровождала действия

² На необходимость согласовывать в процессе реформирования свои действия с западнобелорусскими лингвистами на Академической конференции указывал, в частности, председатель Отделения языка и литературы Инбелкульта С.Некрашевич (сравн. [4. С. 50; 44. С. 9]), и такое его требование адекватно воспринималось участниками процесса реформирования (ср., например: [45. С. 106]).

проводников реформы. С конца 1930 г. в белорусской печати широко популяризовалась мысль о том, что “вредительство” национал-демократов с собенной силой проявилось в белорусском языкоznании. В принятом в начале марта 1933 г. постановлении бюро ЦК и президиума ЦК КПБ “Решительный отпор антисоветским вылазкам на идеологическом фронте” указывалось, что в работе ряда институтов Белорусской Академии наук (в том числе в Институте языкоznания) “были допущены крупнейшие идеологические срывы: протаскивание контрреволюционных троцкистских, бундовских замаскированных нацдемовских и правооппортунистических установок и ошибок” [47. С. 119]. В опубликованной тогда же коллективной статье “Укрепить руководство Наркомпроса, очистить его аппарат от гнилых либералов и классово-вражеских элементов” утверждалось, что в вопросах литературы и языкоznания “протаскиваются национал-демократические установки” [48]. Спустя две недели объединенный пленум ЦК КПБ и Минского горкома КПБ поручил фракции президиума Академии наук “особенно серьезно заняться в ближайшее время вопросами белорусского языка, обеспечив правильную большевицкую разработку и своевременный выпуск материалов по этому вопросу, разработку терминологии, языка, словаря и т.д.” [49. С. 13].

В 1933 г. директор Института языкоznания Белорусской Академии наук П.Бузук был неоднократно подвергнут публичной критике со стороны секретаря ЦК КПБ В.Жабровского, в июле 1933 г. он был снят с этой должности. Только полтора месяца проработал директором Института преемник П. Бузука И. Дворчанин – 16 августа он был арестован по обвинению в шпионаже в пользу иностранных разведок.

В передовой статье газеты “Звязда”, напечатанной в одном номере с декретом СНК, в связи с его принятием говорилось о “засевших в АН и в органах НКП контрреволюционных белорусских нацдемах, которые под маркой разных академических споров активно проводили свою контрреволюционную деятельность”. В статье утверждалось, что ЦК КПБ “со всей большевицкой непримиримостью вскрыл целый ряд фактов контрреволюционной деятельности” [50].

3.4. Идеологическая составляющая постановления СНК хорошо видна и по событиям, произошедшим после его принятия.

3.4.1. По случаю принятия декрета СНК 1 сентября 1933 г. газеты “Звязда” и “Рабочий” опубликовали интервью с первым вице-президентом Белорусской Академии наук Т.Домбalem. Помимо суждений, которые можно непосредственно соотнести с текстом постановления СНК, в интервью присутствовали также мнения, обусловленные образованностью Т.Домбала в вопросе орфографии в качестве высокопоставленного функционера Академии наук и человека, который имел непосредственное отношение к попыткам реформировать тогдашнюю польскую орфографию³. Так, в своем интервью Т.Домбаль заметил, что национал-демократы создавали новые слова на принципах пуранизма, отрывали белорусский язык от “говоров пролетариата и крестьянства”, не пропускали в белорусский язык советизмы, занимались “грубой полонизацией” белорусского языка. По мнению вице-президента Академии наук, при разработке вопросов реформы белорусской орфографии были также учтены и процессы скрещивания языков [52].

Опубликованная беседа, однако, вызвала неудовольствие со стороны ЦК КПБ по причине того, что в ней, с одной стороны, не упоминалась специальная орфографическая комиссия бюро ЦК КПБ и, с другой, в положительно-нейтральном контексте была сделана ссылка на Институт языкоznания Академии наук. В связи с публикацией интервью Т.Домбаль, а также ответственный руководитель БелТА Усталый и сотрудник газеты “Звязда” А.Джелюк 2 сентября вынуждены были дать специальные объяснения на сей счет. В своей записке Т.Домбаль сообщил, что в первоначальном, подготовленном исполняющим обязанности директора Института языкоznания Я.Матюкевичем проекте

³ О попытках реформировать в БССР польскую орфографию см.: [51].

интервью указание на комиссию бюро ЦК КПБ с перечислением всех ее членов содержалось. Однако впоследствии, руководствуясь соображениями политической целесообразности, вице-президент академии решил опустить этот фрагмент (“не нужно открывать классовым врагам возможности атаки против руководящих товарищей, а я уверен, что в ближайшие дни польская фашистская и белорусская национал-фашистская печать начнет бешеную атаку, пытаясь дискредитировать все основы нового белорусского правописания”) [53]. Что касается Академии наук, то, по мнению Т.Домбала, в интервью было “необходимо и политически целесообразно” подчеркнуть рост Академии наук, “очищенной нашей партией от нацдемов, упомянув о ее развитии при новом руководстве во главе с т. Гориным (президентом Белорусской Академии наук. – С.З.)… Говоря о работе Института языка, я ведь не смог в этом интервью вскрывать его внутренние недостатки, которые неоднократно отмечались на президиуме БелАН и в дальнейшем мы стремимся укрепить его политически” [53].

Третьего сентября вопрос об интервью Т.Домбала рассматривался на заседании бюро ЦК КПБ. Было решено, что член ЦК КПБ Т.Домбаль “неправильно” дал интервью без согласования с ЦК КПБ. “Неправильными и недопустимыми” были признаны также действия редакторов газет “Звязда” и “Рабочий”, которые напечатали интервью без согласования с ЦК КПБ. По причине того, что в соответствии с резолюцией бюро ЦК КПБ, в интервью Т.Домбала вопрос о работе Академии и особенно Института языкоznания был поставлен не самокритически, в связи с тем, что в интервью не были отмечены “те политические прорывы, которые были в работе этого Института на протяжении длительного времени, чем снижено политическое значение декрета по правописанию”, председателю СНК Н.Голодеду было поручено подготовить дополнительное “политическое развернутое” интервью по этому вопросу. Помимо этого Н.Голодеду, А.Червякову, В.Шаранговичу и В.Жабровскому поручалось провести ряд бесед с учителями и писателями о значении упрощения правописания с последующей публикацией соответствующих материалов в печати. Наконец, наркому просвещения А.Чернушевичу и Т.Домбалю было поручено также подать в газеты статьи, в которых должна была освещаться реализация в школах декрета СНК и значение этого постановления вообще [54].

3.4.2. Своебразной компенсацией в связи с допущенными Т.Домбалем “ошибками” явилась публикация передовой статьи в газете “Звязда” по случаю введения новой орфографии в практику. В статье говорилось о “замазывании ошибок и искажений, которые имели и имеют место в БАН, в частности, в Институте языкоznания, где нацдемовское охвостье пыталось и пытается под разными предлогами протаскивать свои идеи” [55].

3.4.3. В середине октября 1933 г. в печати появилась очередная статья, дискредитирующая деятельность Института языкоznания Белорусской Академии наук. Ее автор А.Джелюк утверждал, что “на фронте языкоznания в Беларуси классовая борьба приобрела острые формы. Буржуазные националисты, белорусские национал-демократы всеми силами стремились к тому, чтобы привить белорусской лингвистике кулацкие, буржуазно-националистические установки”. Особое внимание А.Джелюк уделил бывшему директору Института П.Бузуку, который “в самый острый момент борьбы с национал-демократами фактически покрывал засевших в тогдашнем Инбелкульте нацдемов… Бузук там, где позволяла обстановка, открыто выступал против политики партии”.

Критике А.Джелюка была подвергнута изданная в 1931 г. “Анкета для зборання матэрыялаў па беларускай мове”, подготовленная П.Бузуком, Я.Матюкевичем и П.Юргелевичем. Согласно автору “Звязды”, в этой брошюре имели место национал-демократические установки. А.Джелюк написал, что в Институте языкоznания “свили себе сильное гнездо националистические антисоветские элементы, продолжая свою вредную работу под фальшиво-национальным флагом… В картотеке собранных слов

хранятся, например, избранные антисоветские высказывания Лёсика, Ластовского, Некрашевича и других... Кто же дал право людям, сидевшим в Институте языкоznания, так нагло оберегать это наследие? Как могло случиться, чтобы ни президиум БАН, ни партийная ячейка не заметили этого и не приняли мер для очистки Института языкоznания от классово-чужих элементов и их наследия”.

Автор сослался на августовское выступление секретаря ЦК КПБ В.Жабровского на совещании заведующих районных отделов народного просвещения и высказал сожаление по поводу того, что данная на этом совещании оценка Академии наук (В.Жабровский говорил на совещании об “исключительной засоренности” академии “буржуазно-кулацкими элементами”) “не была подхвачена партколлективом БелАН и “коммунистами”, работающими в Институте языкоznания. Коммунисты – работники БелАН – вместо энергичной борьбы с нацдемовщиной, вместо беспощадной критики ошибок отдельных партийных и беспартийных работников, стали на путь смазывания ошибок”.

А.Джелюк не обошел стороной также “ошибки и искажения”, допущенные и все еще допускающиеся в работе сотрудниками и соавторами П.Бузука. Так, по категорическому мнению автора “Звезды”, заместитель директора Института языкоznания Я.Матюкевич был национал-демократом. В вину Матюкевичу было поставлено то, что он хранил картотеку Института и старался “смазать” вину других работников. В изданной с его участием брошюре “под видом решения спорных вопросов протаскивались национал-демократические установки”. В другой его совместной с П.Бузуком и В.Бондаренко работе борьба партии с национал-демократизмом “почти не упоминается” [56].

3.4.4. Некоей имитацией научной деятельности явилась попытка президиума Академии наук в конце сентября 1933 г. уточнить некоторые правила декрета. Так, 28 сентября было принято решение предложить СНК отменить в 17-м пункте постановления предписание передавать начальное мягкое *т* в небелорусских именах, фамилиях и географических названиях неизменно (“исходя из особенностей белорусского разговора”, было предложено пользоваться буквой *ц*). Также участники заседания президиума БелАН постановили затвердить употребление в белорусском языке всех возможных (четырех) форм причастий, имеющих причем в именительном падеже окончание *-ый*: *пануючый*, *разгарнуўшы́й*, *эксплуатуемый*, *вырашаный* [57].

Предложения, направленные на уточнение декрета, 22 ноября рассматривались также на заседании бюро ЦК КПБ, при этом, кажется, участников заседания более всего волновало то обстоятельство, что в 9-м пункте декрета были перечислены не все “интернациональные революционные слова”. Поэтому было постановлено добавить к перечисленным в первоначальной публикации декрета лексемы *комсамол* и *тіонэр*, распространить действие данного правила и на все производные от данной группы слов лексемы, а также писать через *о* слово *профінтэрн*. Также были утверждены “внесенные комиссией” (надо думать, орфографической комиссией бюро ЦК КПБ) поправки к подпункту “д” 17-го правила и к 23-му правилу⁴. На заседании народному комиссариату просвещения, агитационно-массовому сектору ЦК, горкомам и райкомам партии было поручено развернуть среди трудящихся, “особенно среди учительства, широкую политico-массовую работу по разъяснению политической сущности реформы белорусского правописания”, а СНК БССР – внести дополнения к декрету [58].

На заседании СНК БССР 7 декабря 1933 г. в прежнее постановление от 26 августа были внесены предложенные дополнения и поправки в части “интернациональных революционных слов”, однако предложение относительно написания начального *ц* в небелорусских именах, фамилиях и географических названиях (типа *Церахаў*, *Церак*, *Цвер*) было отклонено. Также было отклонено предложение кодифицировать в белорусском языке все четыре формы причастий с окончаниями в именительном падеже

⁴ Надо полагать, в данном случае имелись в виду поправки, восходящие к предложениям президиума Белорусской Академии наук.

на *-ый*; это правило было утверждено в редакции, в соответствии с которой причастия могли употребляться в белорусском языке только в тех случаях, когда они обозначали социальный смысл [59].

3.4.5. Между тем, как и предсказал Т.Домбаль, за пределами БССР стали появляться отрицательные отклики на принятый СНК декрет. Не имея еще полного текста постановления и исходя только из корреспонденции из Москвы, напечатанной в газете “*Kurjer Warszawski*”, орган Общества белорусского просвещения в Вильне, двухнедельник “*Родны край*” 7 октября напечатал однозначно отрицательный отклик по случаю принятия декрета СНК. В соответствии с этой публикацией, постановление СНК появилось “совсем неожиданно, без предупреждения в печати, без обработки его в компетентных белорусских научных учреждениях”. Автор статьи обратил внимание на то, что накануне принятия декрета не была проведена научная конференция и на то, что белорусские власти даже и не скрывали политического содержания этой реформы. В статье утверждалось, что принятие декрета СНК знаменовало собой приход “новой эры” в советском культурно-просветительском строительстве в Беларуси, когда “разрушалось все то, что было построено в первое десятилетие”. Постановление СНК характеризовалось в статье как подготовленное “московско-минскими политиками” [60].

Через две недели “*Родны край*” опубликовал еще две статьи о принятой реформе белорусского языка, политические оценки в обоих материалах были еще более категоричными: “Красная Москва окончательно сняла маску”, “советская власть отменила белорусскую грамматику”, “белорусскому народу Сталин вынес смертельный приговор” [61], “навязывание белорусам русской грамматики” [62].

3.4.6. В конце октября 1933 г. в Вильне состоялось чрезвычайное общее собрание Белорусского научного общества (БНТ), на котором обсуждалась принятая в БССР языковая реформа. Исходя из характера преамбулы и конкретных языковых изменений участники собрания пришли к выводу, что Белорусская академия наук не принимала в подготовке декрета “никакого участия”. В постановлении утверждалось, что реформа запретила использовать существующие в белорусской печати “наиболее характерные звуковые особенности” белорусского языка. Члены БНТ утверждали, что реформа была проведена в Беларуси “в обход единственно компетентных в этом деле белорусских научных учреждений и в резком противоречии с позицией, которую прежде занимала и БАН в Минске, и БНТ в Вильне… а также с общеизвестной позицией таких выдающихся белорусских ученых как акад. Е.Карский, акад. Б.Тарашкевич и др.”. Собрание протестовало против декрета СНК, увидев в нем “акт чисто политический, который, подтолкнув требования науки, поломав белорусскую грамматику и совершив насилие над живым белорусским языком, стремится этим путем к слиянию белорусского литературного языка с русским” [63].

3.4.7. Во исполнение постановления бюро ЦК КПБ от 3 сентября о “политически развернутом” интервью в начале декабря 1933 г. состоялась встреча председателя СНК БССР Н.Голодеда с представителями педагогической, писательской и научной общественности, на которой Н.Голодед выступил с большой речью. Председатель СНК охарактеризовал декрет правительства как “документ величайшей политической важности” и подчеркнул, что постановление “вооружает массы на борьбу за пролетарский интернационализм”. Н.Голодед поставил перед собранными представителями интеллигенции задачу развернуть “самую широкую пропаганду, разъяснение политической сущности нашей реформы… самую широкую пропаганду политических задач реформы белорусского правописания, ежедневную неутомимую борьбу за их практическое осуществление” [64].

3.4.8. 11-го, 13-го и 15-го декабря 1933 г. состоялось общее собрание писателей г. Минска, в котором также участвовали научные сотрудники и “другие работники идеологического фронта” [65]. Собрание было созвано как своеобразное контрпропагандистское мероприятие по отношению к откликам на реформу СНК

западной печати. С вступительным словом к присутствующим обратился ответственный секретарь оргкомитета Союза советских писателей Беларуси Яков Бронштейн, с докладом выступил известный “пролетарский поэт” и одновременно директор Института языкоznания Белорусской Академии наук Андрей Александрович Я.Бронштейн охарактеризовал вопрос языка как вопрос классовой борьбы и именно этим обстоятельством объяснил “поднятый в последнее время вой национал-фашистов у нас и за границей” по поводу декрета об упрощении белорусской орфографии. А.Александрович сказал, что созданная в 1926 г. Академическая конференция по существу выполняла заказ фашистов, точно также арестованные в 1930–1933-м гг. ученые и писатели В.Ластовский, А.Сидоренко и др. выполняли “специальный заказ международной буржуазии по отрыву Советской Беларуси от Советского Союза”. Все ораторы на собрании единодушно поддержали проведенную правительством языковую реформу. В своих выступлениях писатели в значительной степени всего лишь повторили “в художественной форме” тезисы речи Н.Голодеда, услышанной ими накануне. На основании прозвучавших выступлений позже под грифом Института языкоznания Белорусской Академии наук был издан специальный сборник под названием “Писатели БССР о реформе правописания белорусского языка” (ср.: [66]). Как заметил английский славист П.Мэйо, сборнику более пристало бы название “Писатели БССР о национал-демократизме”, поскольку в нем больше освещалась эта тема, нежели сама языковая реформа [14. С. 39]. На собрании выступил только один лингвист – П.Бузук. В отличие от других участников собрания, его речь не была опубликована ни в репортаже с собрания, ни в позже изданном сборнике, однако сообщалось, что он “признал критику своих ошибок в печати и в докладе т. Александровича по поводу его буржуазной, контрреволюционной деятельности на языковедческом фронте правильной” [65].

3.4.9. После шумного публичного одобрения нового правописания писателями (среди них были все главные деятели белорусской литературы, объединенные к тому времени вокруг оргкомитета Союза писателей Беларуси) и другими деятелями культуры [67] кампания по пропаганде новой орфографии в основном завершилась. Поступавшие в вузы абитуриенты обязаны были не только прочно владеть новой орфографией белорусского языка, но и понимать политическую сущность проведенной реформы [68. С. 9]. В Западной Беларуси в 1936 г. Янка Станкевич издал брошюру, в которой, руководствуясь якобы научными соображениями, последовательно забраковал абсолютно все пункты декрета СНК [5], однако это уже не имело значения для функционирования новой орфографии в БССР.

4. Вместе с тем следует констатировать, что в процессе принятия реформы были утверждены и некоторые правила, которые неоднократно предлагались лингвистами 1920-х гг. К таким правилам следует зачислить пункты 1, 2, 4–5, 9 постановления.

В интерпретации П.Мэйо, в отношении ряда важных пунктов (ограничение яканья первым предударным слогом, сохранение неударных *e*, *э* в заимствованиях, разные правила правописания собственных имен и топонимов) в декрет были включены изменения, которые были предложены прежде авторами проекта 1930 г., но это было преимущественно делом случая [15. С. 26]. Дж. Дингли свидетельствует, что многие из изменений 1933 г. действительно рекомендовались прежде на Академической конференции и/или составителями проекта 1930 г., однако приводит ряд “спорных” пунктов, причем к их числу относит и некоторые такие (например, 4, 5, 18), которые не вошли в приведенный выше перечень [16. С. 154–155]. Оба британских автора отдают должное политическому воздействию на языковое реформирование в Беларуси [14. С. 39–40, 42–44; 15. С. 26; 16. С. 153–155].

5. Поскольку в конце 1920-х – начале 1930-х гг. не существовало некоего единственного правильного или “строго научного” способа реформирования орфографии белорусского языка, постольку не приходится с полной уверенностью утверждать, что в процессе реформирования 1933 г. какие-то правила обязательно должны были быть

приняты, в то время как другие – нет. (Единственное исключение составляет разве что лингвистически немотивированное “правило” относительно правописания неударного *o* в заимствованиях, основанного на субъективном критерии размежевания адаптированных и неадаптированных слов.) Как показала практика 1926–1930 гг., участники процесса усовершенствования белорусского правописания не всегда были последовательными и иногда отвергали ранее солидарно поддержанные подходы. Ср. в этом смысле, например, то обстоятельство, что вопреки (как показало будущее, перспективному) постановлению Академической конференции 1926 г. о неизменном написании частицы *не* и предлога *без* [4. С. 293, 393, 428–429] составители проекта 1930 г. преимущественным большинством голосов решили тем не менее сохранить прежнюю редакцию этого правила [25. С. 12]. Точно также обращает на себя внимание разница в подходах к возможности сокращать начальное *у*, которая обнаружилась на Академической конференции, с одной стороны, и во время подготовки проекта 1930 г., с другой. Если в 1926 г. предложение Я.Лёсика не сокращать начальное *у* во всех случаях была отклонено [4. С. 309–310, 394], то в 1930-м году оно было поддержано [25. С. 13]. Если на Академической конференции предложение Я.Лёсика не обозначать ассимилятивное смягчение свистящих многими отвергалось [4. С. 217, 227, 229, 237, 248–249], то в процессе подготовки проекта 1930 г. оно получило (пусть незначительную) поддержку [25. С. 15]. Уж тем более существует разница между графическими постановлениями Академической конференции и проекта 1930 г.: в последнем резолюции конференции в части алфавита не учтены. Очевидно, что в процессе обсуждения и принятия решений относительно белорусской орфографии в 1926–1930 гг. определенное значение имели случайные (и значит: не подлежащие пронозированию) факторы.

Исходя из характера протекания дискуссий и принятых постановлений можно утверждать, что реформирование, будь оно совершено в 1926-м г., имело бы несколько иную форму по сравнению с планировавшимися изменениями 1930 г. Однако невозможно предсказать точную форму изменений, которые случились бы после 1930 г. в случае эволюционного (а не революционного, как это произошло) развития событий.

Тем не менее, пренебрегая политическим контекстом принятия реформы, некоторые авторы отстаивают сугубую (научную) обоснованность реформы 1933 г. вообще либо, по крайней мере, особую (научную) мотивированность многих ее пунктов. Так, например, А.И. Журавский полагает, что в принятые на основании реформирования 1933 г. белорусское правописание были включены “основные предложения по орфографии, высказанные на конференции 1926 г. и отраженные в проектах 1930 и 1933 гг.” [11. С. 136]. По мнению того же автора, например, окончания *-ам*, *-ям*, *-ах*, *-ях* у существительных мужского и среднего рода дательного и предложного падежей множественного числа (19-й пункт постановления СНК), а также формы повелительного наклонения глаголов на *-iцe*, *-ьицe* (21-й пункт постановления) были введены в белорусскую грамматику по причине того, что введенные Б.Тарашкевичем формы на *-ом*, *-ём*, *-ox*, *-ёх*, *-eциe*, *-эциe* воспринимались населением восточной Беларуси как чужие [69. С. 141]. Как полагал академик А.И. Подлужный, введение реформой 1933 г. написания буквы *i* после *s* и *z* в заимствованиях, а после других согласных – *e* “имело глубокие научные основания” [13. С. 135]. Так же одобрительно отнесся А.И. Подлужный и к введению постановлением 1933 г. написаний типа *арыфметыка*, *міf*, *кафедра*, *арфаграфія* [13. С. 136]. Если абстрагироваться от несомненно имеющих место в данном случае личных склонностей авторов, то наверняка есть основания говорить о *conclusio existimatioque ex eventu* (выводе на основании результата), а не о выводах, сделанных на основании реальной оценки происходивших накануне реформы 1933 г. событий. Приписывание “научного” характера принятым в 1933 г. явлениям произошло и происходит не потому, что они являлись таковыми на самом деле (по-белорусски одинаково “научно” было бы писать как *свет*, так и *съвет*, как *арыфметыка*, так и *арытмэтыка*, как *гарадскi*, так и *гарадзкi* и пр.), но потому, что их впоследствии легитимизировало употребление.

Белорусский случай показывает, что в орфографической практике бывает, что законным и “научным” является не то, что выстрадано учеными в дискуссиях, но то, что по каким-либо причинам (в том числе “ненаучным”) утвердились и реально употребляются.

Реформа белорусского языка 1933 г. является собой пример непосредственного воздействия на языковое реформирование идеологических факторов. Они были очевидны во время принятия декрета СНК, однако впоследствии были затушеваны – благодаря усилиям политиков, писателей, историков белорусского языка и языкоznания. Тесная связь идеологии и языкового реформирования проявилась и позже, в 1990-е гг., когда реформа 1933 г. многими (прежде всего писателями и журналистами) жестко критиковалась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мечковская Н.Б. Общее языкоzнание. Структурная и социальная типология языков. Минск, 2000.
2. Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1988.
3. Чернышев В. И. Ф. Фортунатов и А. А. Шахматов – реформаторы русского правописания (По материалам архива Академии Наук СССР и личным воспоминаниям) // Чернышев В.И. Избранные труды в двух томах. Том 2. М., 1970.
4. Працы Акадэмічнай канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі. Мінск, 1927.
5. Станкевіч Я. Зъмена граматыкі беларускага языка ў БСРР // Станкевіч Я. Збор твораў у двух тамах. Том 1. Мінск, 2002.
6. Шчэрбін В. Факты і міфы. Рэформа беларускага правапісу 1933 года // Беларуская мова і літаратура ў школе. 1989. № 9.
7. Жураўскі А. І. Рэформа правапісу: як гэта было // Настаўніцкая газета. 5 VI, 8 VI, 12 VI, 22 VI, 26 VI, 29 VI, 3 VII 1991.
8. Лыч Л./М./ Моўная рэформа 1933 года. Ідэалагічны аспект. Мінск, 1993.
9. [Сямяшка Л.І.] Рэформа беларускага правапісу 1933 года // Беларуская мова: Энцыклапедыя. Мінск, 1994.
10. Шакун Л.М. Рэформа правапісу і граматыкі 1933 года // Шакун Л.М. Гісторыя беларускага мовазнаўства. Мінск, 1995.
11. Жураўскі А. І. Беларуская мова ў дваццатым стагоддзі // Гуманітарна-еканамічны веснік. 1996. № 1.
12. Запрудскі С. /М./ Правапісныя рэформы ў славянскіх літаратурных мовах у XX стагоддзі. Даклад на XII Міжнародным з’ездзе славістаў. Мінск, 1998.
13. Падлужны А./І./ Праблемы беларускага правапісу і Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа // Польмя. 2005. № 10.
14. Mayo P. J. The Alphabet and Orthography of Byelorussian in the 20th Century // The Journal of Byelorussian Studies. Vol. IV. 1977. No. 1.
15. Mayo P. J. Byelorussian Orthography: from the 1933 Reform to the Present Day // The Journal of Byelorussian Studies. Vol. IV. 1978. No. 2.
16. Dingley J. The Byelorussian Language – Creation and Reform // Language Reform. History and Future. Edited by I. Fodor, C. Hagège. Vol. IV. Hamburg, 1989.
17. Запрудскі С. /М./ Абмеркаванне праблем правапісу ў пачатку – сярэдзіне 1920-х гг. // Роднае слова. 2005. № 9.
18. Запрудскі С. М. Акадэмічная канферэнцыя па рэформе беларускага правапісу і азбукі 1926 г. // Веснік БДУ. Серыя 4. 2004. № 3.
19. Запрудскі С. /М./ Распрацоўка правапісу беларускай мовы ў канцы 1920-х гг. // Роднае слова. 2005. № 10.
20. Запрудскі С. М. Да гісторыі правапісу ненаціскнога *o* ў запазычаных словах у 1920-х – пачатку 1930-х гг. // Веснік БДУ. Серыя 4. 2005. № 1.
21. Запрудскі С. /М./ Сітуацыйныя фактары распрацоўкі правапісных нормаў беларускай мовы ў 1930–1932 гадах // Studia Slavica Hung. 50. 2005. 3-4.
22. Запрудскі С. М. Сітуацыйні чинники здійснення реформы беларускай мовы 1933 року // Мовазнавство. 2006. № 5 (в печати).

23. Аб зменах і спрашчэнні беларускага правапісу. Пастанова Савету народных камісараў БССР // Звязда. 28 VIII 1933; Аб зменах і спрашчэнні беларускага правапісу. Пастанова Савету народных камісараў БССР. Мінск, 1933.
24. *Сцяпура Зм.* Як чытаюць і пішуць беларускія школьнікі (Паводле тэстаў школьнай паспяховасці) // Асвета. 1927. № 4.
25. Беларускі правапіс (праект). Апрацаваны Правапіснай камісіяй Беларускае Акадэміі навук. Мінск, 1930.
26. Інстытут мовазнаўства Беларускай акадэміі навук. Галоўныя моманты спрашчэння беларускага правапісу // Звязда. 28 VI 1933.
27. Праект спрашчэння беларускага правапісу. Мінск, 1933.
28. *Станкевіч Я.* Правапіс чужых слоў. Вільня, 1921.
29. *Воўк-Левановіч Я.В.* Пацікавіуся, прачытаў і... пашкадаваў, што прачытаў // Савецкая Беларусь. 22 II 1928.
30. *Горбах Р.* Рец. на: Некрашэвіч С. М., Байкоў М. Я. Расійска-беларускі слоўнік. Мінск, 1928 // Уздым. 1928. Кн. 2.
31. *Байкоў М.Я.* Да пытання аб чужаземных слоўах у нашай мове // Полымя. 1927. № 4.
32. *Запрудскі С. [M.]* Аб дынаміцы узусу беларускай літаратурнай мовы 1920–1930-х гг. (гісторыя адпрыметнікаў назоўнікаў на -сты/-ысты) // Studia Russica. 2005. XXII.
33. *Лёсік Я.* Беларускі правапіс. Мінск, 1927.
34. *Бузук П.* Мова і правапіс твораў Якуба Коласа // Якуб Колас у літаратурнай крытыцы. – Мінск, 1926.
35. *Бузук П.* Культура мовы ва «Узвышшы» // Маладняк. 1929. № 5-6.
36. *Бузук П.* Увагі аб мове і стылю маладнякоўцаў // Маладняк. 1927. № 5.
37. *Станкевіч Я.* Рец. на: Б. Тарашкевіч. Беларуская граматыка для школ. Вільня, 1929 // Станкевіч Я. Збор твораў у двух тамах. Том 1. Мінск. 2002.
38. *Чачот Я.* Прадмова да “Сялянскіх песенъ з-над Нёмана і Дзвіны” (1846 г.) // Чачот Я. Наваградскі замак. Творы. Мінск, 1989.
39. *Taraškiévič B.* Bielaruskaja hramatyka dla škol. Wilnia, 1918.
40. *Лёсік Я.* Школьная граматыка беларускага мовы. Мінск, 1927.
41. Некрашэвіч С. Правапіс спрэчных дзеяслоўных форм // Выбраныя навуковыя працы акаадэміка С.М. Некрашэвіча. Да 120-годдзя з дня нараджэння. Мінск, 2004.
42. *Лёсік Я.* Некаторыя ўвагі да беларускага літаратурнае мовы // Лёсік Я. 1921 – 1930. Збор твораў. Мінск 2003.
43. Чорны К. Небеларуская мова ў беларускай літаратуры // Чорны К. Збор твораў у восьмі тамах. Том 8. Мінск, 1975.
44. Некрашэвіч С. Акадэмічная канферэнцыя па рэформе правапісу і графікі і вынікі яе працы // Наш край. 1927. № 1.
45. *Лёсік Я.* 1921 – 1930. Збор твораў. Мінск, 2003.
46. Марці Р. Алфавіт і правапіс – лінгвістычны і сімвалічны аспекты // Матэрыялы IV Міжнароднага кангрэса беларусістаў (в печати).
47. Жаброўскі В. Ю. Задачы мастацкай літаратуры БССР. Мінск, 1933.
48. Джэлюк, Такарчук, Шаткін. Умацаваць кіраўніцтва Наркамасветы, ачысціць яго аппарат ад гнілых лібералаў і класава-варожых элементаў // Звязда. 3 III 1933.
49. Рэзалиюцыі аб'яднанага пленуму ЦК КПБ і ЦКК. 17 – 20 лютага 1933 г. Мінск, 1933.
50. У барацьбе за пралетарскі інтэрнацыяналізм // Звязда. 28 VIII 1933.
51. Лайрэцкая В. Старонка з гісторыі беларускай паланістыкі (Спроба рэформы польскага правапісу ў БССР) // Studia nad polszczyzną kresową . Том X. Warszawa, 2001.
52. О реформе белорусскага правописания. Беседа с первым вице-президентом Белорусской академии наук т. Т. Домбалем // Рабочий. 1 IX 1933; Звязда. 1 IX 1933.
53. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 14. Д. 142. Л. 180–182.
54. НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 115. Л. 18.
55. Новы беларускі правапіс // Звязда. 16 IX 1933.
56. Джэлюк. Да канца разбіць рэшткі нацдэмаўшчыны на мовазнаўчым фронце: Да чысткі ячэйкі Акадэміі Навук БССР // Звязда. 13 X 1933.
57. Цэнтральны научный архив Национальной академии наук Беларуси. Ф. 1. Арх. № 21а. Протокол № 30.
58. НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 125. Л. 26.

59. Пастанова Савета Народных Камісараў БССР “Аб дадатках і папраўках да пастановы СНК БССР «Аб зменах і спрашчэнні беларускага правапісу»” // Звязда. 9 XII 1933.
60. Дэкрэт аб... новым беларускім правапісе // Родны край. 7 X 1933.
61. Москва зняла маску // Родны край. 21 X 1933.
62. “Рэформа” беларускага правапісу ў БССР // Родны край. 21 X 1933.
63. Пратэст Беларускага Навуковага Таварыства проці дэкрэту СНК БССР аб рэформе беларускага правапісу // Родны край. 4 XI 1933.
64. Сутнасць рэформы беларускага правапіса. З прамовы т. Галадзеда на прыёме дэлегацыі пісьменнікаў, настаўнікаў і навуковых работнікаў // Звязда. 10 I 1934.
65. Цэлеш М. Класавая барацьба на мовазнаўчым фронце // Літаратура і мастацтва. 25 XII 1933.
66. Пісьменнікі БССР аб рэформе правапіса беларускай мовы. Мінск, 1934.
67. Ж. Акторы аб пастанове СНК // Літаратура і мастацтва. 6 II 1934.
68. Даведнік для паступаючых у Мінскі Дзяржаўны Вышэйшы Педагагічны Інстытут у 1934-1935 навучальным годзе. Мінск, 1934.
69. Журавский А.И. Истоки вариантических грамматических норм в белорусском литературном языке // Проблема нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. М., 1976.